

Дункан Мак-Грегор

Седьмая невеста

Мак-Грегор Д.

Седьмая невеста / Д. Мак-Грегор —

В сборник вошли романы: «Врата вечности» А. Олдмена, «Седьмая невеста» Д. Мак-Грегора и «Обитель спящих» Т. С. Стюарта о знаменитом Конане-варваре.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дункан Мак-Грегор

Седьмая невеста

Глава первая

Черноглазая красотка с длинными, почти до пят косами, взмахнула тонкой ручкой и исчезла за бархатным пологом. Кумбар Простак – здоровенный детина средних лет с красной свинячьей физиономией – уныло посмотрел ей вслед.

Никогда еще он не был так равнодушен к женским прелестям. Третью луну подряд вереница красавиц из высшего общества Аграпура проходила перед ним, изо всех сил пытаясь произвести впечатление на верного слугу самого Илдиза. Они танцевали, брэнча браслетами и лукаво стреляя глазками, пели старинные песни о любви высокими, дрожащими от волнения голосами, ныряли в бассейн за золотым яблоком и прыгали через веревочку, натянутую меж двух пальм – все это было чудесно, но лишь поначалу.

Спустя несколько дней Кумбару наскучила роль экзаменатора; душными туранскими ночами ему стали сниться обнаженные прелестницы с тигриными или лошадиными хвостами, с мордами ослиц и волчиц, а то и поросшие шерстью с головы до ног. Просыпаясь в холодном поту, Кумбар бежал к своему повелителю и молил отослать его обратно в войско, где он восьмой год уже служил сайгадом – старшим тройки, но Илдиз со смехом гнал его прочь: кто же, кроме Кумбара, всем известного знатока и любителя женщин, сможет выбрать для него из двух сотен девушек шестерых, самых красивых, самых умных и самых скромных? А из них, в свою очередь, уже он, Великий и Несравненный, правитель всего Турана, выберет самую желанную – ту, которая станет его супругой и подарит ему наследника. Потому-то Кумбару и приходилось, то и дело утешая себя вином, день за днем осматривать красоток.

К концу третьей луны он оставил во дворце дюжину наипрекраснейших: Малику, Карсану, Дану, Алму, Баксуд-Малану, тройняшек Ийну, Мину и Залаху, Фариму, еще одну Фариму, Физу и Хализу.

Теперь ему предстояло выяснить, кто из них уберется обратно к своим родителям, а кто будет песнями и плясками ублажать светлейшего Илдиза. Но как это выяснить? Все они были воистину прекрасны; каждая обладала чудесным тонким голоском, у каждой по плечам струился водопад густых и мягких волос – просто черных и черных с отливом, и каждая смотрела на мир нежно и немного робко огромными чистыми глазами молодой газели.

Прежде Кумбар не стал бы задумываться особенно: привел бы к повелителю всю дюжину и на том посчитал свою миссию законченной. Увы, прежде он не был так близок Великому и Несравненному. Будучи простым солдатом, Кумбар не боялся никого и ничего, со всеми – и со знатым нобилем и с последним бедняком – говорил на равных.

О многочисленных подвигах его ходили легенды, большую часть которых он самолично и распускал в кабаках да тавернах; как-то придворный поэт, такой же как Кумбар вертопрах и любитель веселых дружеских пирушек, написал балладу о славном сайгаде – длинную, словно дорога из Аграпура в Кутхемес. Строки сего творения в скором времени достигли ушей самого Илдиза, и тогда-то Великий и Несравненный и соизволил познакомиться со своим верным слугой.

Он был весьма удивлен, узнав, что столь прославленный воин до сих пор не поднялся выше сайгада, но исправлять положение не спешил. Кумбар же – по прозвищу хоть и Простак, а на деле весьма хитроумный и ловкий парень – явно не стремился стать капитаном; он был вполне удовлетворен поистине с небес свалившейся на него милостью Светлейшего – тот пожелал ежедневно видеть во дворце бывалого солдата; поверяя ему свои чаяния, Илдиз скоро

заметил, что сайгад без лишних слов и обещаний старается исполнить малейшую прихоть владыки, а краткие советы его – «почтительны, но не льстивы» – блещут остроумием и мудростью. «Мы доверим ему то, чего никто сделать не может, – рек однажды Илдиз на Собрании Советников, – и он сие непременно сделает».

Такая высокая оценка не могла не сказаться на отношениях Кумбара с советниками: возмущенные вторжением на их территорию простого солдата, они использовали любую возможность насолить ему, строчили подметные письма, устраивали провокации и как-то раз пытались даже отравить его. Кумбар оказался непоколебим: за правым его плечом стоял сам владыка, а за левым сам Мишрак – мудрейший из мудрейших, визирь повелителя и вершитель судеб. Он один из всех сановников благоволил сайгаду, то ли имея на него виды, то ли просто не ожидая от него подвоха.

Спустя пять лун Илдиз со своей обычной сладкой улыбкой объявил о роспуске Собрания Советников, причем речь шла не о ликвидации Собрания вообще, а лишь о замене этих советников на других, набранных большей частью из самого простого сословия. Главным владыка назначил все того же Кумбара, и вскоре новое Собрание уже решало дела государственные, да так умно, что даже народ остался доволен, не говоря о самом Илдизе и визире его Мишраке.

Давно не появлялся Кумбар Простак в казарме, но со служивцев не забывал. По-прежнему устраивал в кабаках пирушки, швыряя деньги без счета, и по-прежнему девицы разного возраста и сословия принимали к его могучей груди тогда, когда он того желал. И все это продолжалось бы, наверное, до самой его безвременной смерти, если б не странная и несколько запоздалая прихоть Илдиза: имеющий уже десяток жен и без малого два десятка детей владыка порешил жениться еще раз и наследником назначить именно сына своего от новой супруги. Объяснялось это тем, что прежняя – любимая – жена, родившая ему сына два года назад, лишилась рассудка, и прилюдно призналась, что понесла ребенка не от Илдиза, а от одного из его советников. После этого неожиданного выступления на празднике богов неверная прыгнула в бассейн и там благополучно утопла, а расстроенный и оскорбленный до глубины души светлейший супруг ее повелел отослать всех жен вместе с детьми в деревню под Акитом, ибо не доверял теперь ни одной.

Но горевал он недолго – по воле богов во сне увидел владыка незнакомку, с ног до головы завернутую словно в кокон в кусок синего шелка; в руках она держала прелестного черноглазого младенца, похожего на Илдиза так, как только сын может быть похож на отца; тонкие нежные руки ее, униженные великолепными браслетами, ласково касались жирных обвислых щек повелителя, обещая сказочные ночи; с тихим смехом она удалялась, потом снова приближалась и снова удалялась...

Во сне Илдиз просто потерял голову от возбуждения и вдруг пробудившихся в нем давно позабытых чувств душевного свойства. Едва солнечные лучи коснулись его морщинистых век, он велел позвать Кумбара, и когда тот явился, незамедлительно высказал ему свое пожелание: не теряя времени созвать во дворец красавиц из высшего общества, проэкзаменовать их, отобрать шестерых и пред ставить ему, Светлейшему.

Среди этих шестерых Илдиз надеялся найти свою незнакомку. То, что лица ее он так и не увидел, ничуть не смущало владыку – волей богов он узрил ее во сне, их же волею узнает ее и наяву. А прославленный знаток женщин Кумбар уж точно не ошибется и выберет из сотен достойных найдостойнейшую стать супругой Великого и Несравненного... Так началось падение бывшего сайгада, а ныне главного советника Илдиза Туранского Кумбара Простака.

* * *

В таверне с грустным названием «Слезы бедняжки Манхи» к вечеру всегда бывало шумно и весело. Большой квадратный зал, освещаемый дорогими светильниками с пальмо-

вым маслом, заполнялся до отказа всевозможным окрестным и приезжим людом. Из золотых кадилъниц курился ароматный дым, клубами поднимаясь к завешенному тонкой, серо-голубого цвета тканью потолку; на стенах висели картины здешних художников, изображавшие либо нагих и очень толстых матрон с апельсином в мясистых пальцах, либо фрукты и овощи, в беспорядке разбросанные по столу и частично прикрытые зачем-то тряпкой.

В самом дальнем углу зала сидел на высоком табурете изящный чернобородый человечек с грустными глазами и услаждал слух гостей таверны нежными звуками цитры. Со стороны кухни в зал вплывали божественные запахи, и оттуда же слышался беспрестанный звон монет – отбирая у посетителей деньги, расторопные слуги тотчас сдавали их хозяину, его же работа заключалась в немедленном пересчете выручки, ее сортировке и упаковке в холщовые мешки.

Высокие гости обычно восседали посередине зала, где свет был не так ярок, звуки цитры не так громки, а благоухание кадилъниц не так едко; гости попроще занимали места похуже, у стен; совсем бедные сюда и вовсе не заходили, ибо таверна «Слезы бедняжки Манхи» в Агра-пуре считалась одной из самых дорогих: обычная кружка пива стоила тут в два раза дороже, чем в любом другом кабаке города, а кусок жареной говядины – пусть и обсыпанный всякого рода специями – тянул едва ли не на целого быка.

Кумбар любил бывать здесь. Деньги у него не переводились с тех самых пор, как Илдиз Туранский произвел его в Главные Советники, да и не жалел он денег на удовольствия. Правда, удовольствия эти в последнее время стали несколько однобоки: полдюжины бутылей хорошего вина, добрая беседа со старыми приятелями и воспоминания о былых подвигах вслух – женщин он не то что обнимать, а и видеть теперь не мог, отчего чувствовал себя как смертельно больной человек.

Пышные девицы таверны напрасно касались его горячими бедрами, проходя мимо стола – Кумбар так недвусмысленно морщился от этих знаков внимания, что в конце концов люди стали поговаривать о том, что старый солдат, по всей видимости, нашел утешение в каком-нибудь юном молодце. И в самом деле, не мог же нормальный мужчина громко рыгать от ужаса при виде направляющейся к нему красотки! Нет, толковали между собой постоянные гости таверны, наверняка Кумбар Простак заболел неведомой болезнью и скоро покинет этот мир, переселится на Серые Равнины и там уже будет рассказывать о своих подвигах древним демонам.

Сам Кумбар думал о себе точно так же. Воображение рисовало ему страшные картины совокупления с женщиной, и холодный пот бисером выступал на его красных щеках. Он стал плаксив, раздражителен; старые приятели перестали понимать его шутки, прежде такие тонкие и остроумные; придворная сволочь шепталась за его спиной, предвкушая скорое падение фаворита; в довершение ко всем несчастьям у него начали дрожать руки. Сайгад понимал, что положение сие если не безнадежно, то уж точно отчаянно.

Осложнялось оно тем, что Илдиз явно терял к нему интерес, все больше увлекаясь беседами с цирюльником Гухулом – врагом Кумбара и его коллегой по Собранию Советников. Тот был умен и весел почти как сам сайгад, но обаяния в нем не хватало, и прежде обстоятельство это помогало Кумбару удерживать владыку на своей стороне.

Теперь все было иначе. Хитрая ухмылка Гухула стала привлекать повелителя так же, как раньше привлекал его негромкий заразительный смех Простака. Да, следовало признать: позиции старого солдата пошатнулись; слава его дала трещину, и преизрядную; а здоровье – физическое ли, душевное ли – не позволяло снова сесть за козлы и править Тураном, править почти единолично, как было прежде...

Мрачные мысли, одолевавшие сайгада теперь ежедневно и еженощно, туманили его голову и сейчас, за маленьким круглым столиком красного дерева посередине зала. Опустошив уже две с половиной бутылки дорогого, привезенного из далекого Аргоса белого вина, Кумбар,

нахмутив выцветшие редкие брови, заворуженно смотрел на крошечную винную каплю, сползающую по крутому боку серебряной чаши.

В ней видел он свое отражение, уменьшенное стократ, и ничего привлекательного в этой физиономии не находил. Мысли его разбредались, путались; то одно, то другое приходило вдруг в голову, но все неизменно печальное – иного, казалось ему, уже не дано. Если бы в таверне не было так шумно, а соседи сайгада сидели бы к нему поближе, они сумели бы расслышать то, что бормотал он себе под нос, а расслышав, решили б, что старый солдат несомненно лишился разума, ибо нес несусветную – для постороннего и непосвященного – околесицу. «Из дюжины шесть... Из дюжины шесть? Как? Они одинаковые... Я не знаю, кто недостойн... И кто достоин... Из дюжины шесть!»

– Из какой дюжины? – Низкий, чуть хрипловатый голос, такой глубокий, что сердце сайгада ухнуло к самым пяткам при первых же его звуках, раздался вдруг за его спиной.

Он оглянулся, облегченно вздохнул. За его плечом стоял огромный парень лет двадцати с лишком, атлетического сложения, с длинными черными волосами почти до лопаток, суровым лицом и синими глазами уроженца Севера.

– Какой такой «дюжины шесть»? – с интересом по вторил он, бесцеремонно усаживаясь за столик Простака.

– Выпей вина, Конан, – кисло улыбнувшись, выдавил Кумбар, подвигая парню початую бутылку. – Отличное вино... аргосское...

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Ах, ты об этом... – вяло протянул сайгад. – Дюжи на – это значит двенадцать. Понимаешь? Двенадцать кружек пива есть дюжина, и двенадцать солдат тоже есть дюжина... А полдюжины – значит, шесть. Шесть мечей есть полдюжины, и шесть жеребцов тоже есть полдюжины, и даже шесть сочных кусков барашка есть полдюжины, и ни куском меньше... – заунывным голосом вещал Кумбар, не замечая удивленного взгляда соседа. – Ну и, ясно, ни куском больше... А если, к примеру, взять трех жеребят, то это будет...

Он вдруг словно опомнился, смущенно взглянул на парня и неуклюже попытался реабилитироваться.

– Какая дюжина, Конан?

– Клянусь Кромом, ты заболел, сайгад, – бодро объявил северянин то, о чем все только думали, но сказать открыто не решались. – Ты хмур, бледен и глуп. Прежде я не видал тебя таким. У нас в Киммерии это называли «поцелуем мертвого кургана», понял? Хр-рм-м... Хорошее вино...

Он в несколько глотков осушил бутылку и взял другую. Похоже, состояние сайгада не слишком волновало его: чем-то очень довольный, парень вылебал еще полбутылки и только тогда соизволил обратить внимание на понурого Кумбара.

– А что, толстый, правду говорят, что ты у Илдиза в приятелях ходишь?

– Я не толстый, – впервые проявил живое чувство сайгад. – В боях окрепло мое тело, в боях мои руки...

– Тьфу! – раздраженно сплюнул Конан на чисто вымытый деревянный пол зала. – Да ты и впрямь рехнулся. Не могу слышать, когда воин ноет словно девица! Ну-ка, выкладывай, о какой это дюжине ты тут пел!

И тогда сайгад решил. Быстрым шепотом он поведал киммерийцу всю историю своей грядущей уже опалы, особенно упирая на то, что все красавицы хороши безумно и выбрать из дюжины необходимую шестерку никак нельзя. Вздрагивая всем телом, он живописал Конану прелести девушек, их ум, скромность и изящество; он даже изобразил их голоса, перепугав своим визгом ближайших соседей до полусмерти; вскочив, весьма художественно показал гнев Светлейшего и собственное отчаяние. Наконец Кумбар выдохся, сел, вопросительно посмотрел на парня.

– М-да-а... – задумчиво покачал головой Конан. – Влип ты в историю, приятель. Недаром говорят наши старики: «Чем выше заберешься, тем дольше будешь падать». А от себя добавлю – и тем больнее ударишься...

– Не болтай же, Конан! – взмолился сайгад, чувствуя, что слезы вот-вот польются из глаз, как это частенько случалось в последнее время. – Придумай лучше, что мне делать? Слыхал я, что ты в Аграпуре недавно, но успел многое... За такого наемника, как ты, варвар, я б десятка парней не пожалел...

– Не болтай зря, – остановил его киммериец. – Дело твоё пустое, и помочь тебе я могу. Но прежде ты должен исполнить одно мое условие...

– Какое? – Кумбар выпучил глаза и насколько мог вытянул короткую бычью шею. – Проси что хочешь, варвар. Я на все согласен! На все!

Ухмыляясь, Конан посмотрел на возбужденного сайгада.

– На все? Что ж... Вот мое условие: кликни-ка во-он ту красотку, да отведи ее наверх... Сам знаешь, куда... И зачем...

– Ты... Ты что? – задохнулся от возмущения Кумбар. – Я же сказал тебе – в последнее время у меня с этим ничего не выходит...

– И смотри мне! Чтоб девица потом не жаловалась!

Конан расхохотался, не обращая ровно никакого внимания на пылающие щеки сайгада и струящиеся из тусклых глаз слезы – старый солдат все же не смог удержаться и заплакал, в душе проклиная себя за эту слабость, – открыл новую бутылку и прильнул к ней губами, с наслаждением глотая терпкий напиток. Кумбар обреченно вздохнул.

Он знал варвара без малого пять лун, знал, что ему можно довериться и что каждый парень из туранского войска мечтает стать его куншаком – другом, что женщин тянет к этому синеглазому великану словно мух к варенью из бананов; сам же сайгад давно не чувствовал под ногами опоры – с того дня, как Илдиз назначил его экзаменатором для девиц – и давно жаждал разделить свое горе с надежным человеком.

И вот такой человек волею богов ниспослан ему в таверну «Слезы бедняжки Манхи», но его условие... Нет, оно невыполнимо... Конечно, невыполнимо...

– Я согласен, – сумрачно буркнул Кумбар, не глядя на развеселившегося Конана. – Где там эта рыжая корова... Эй, крошка! Иди ко мне!

Пышнотелая Кика, в восторге от приглашения столь именитого гостя, ринулась к нему, сшибая по пути менее почетных посетителей. Под одобрительные вопли присутствующих Кумбар, пошатываясь от отчаяния, повел подругу по узкой винтовой лестнице наверх.

Когда дверь за ними захлопнулась, киммериец свистнул слугу, велел принести мяса и еще вина и приготовился ждать.

* * *

Конан, который с утра еще успел и нализаться и проспаться, допивал шестую за этот вечер бутылку славного аргосского. Он не стеснялся заказывать вновь и вновь, справедливо полагая, что сайгад с удовольствием заплатит за все. То есть, может, и без удовольствия, но обязательно заплатит.

Громко чавкая, варвар уплел баранью ногу, блюдо тушеных овощей и целую связку крабьих палочек из заказа Кумбара. Немного насытившись, он обвел ослепевшим взглядом зал, не без тайной гордости отметил обращенные к нему томные глаза здешних девиц, и еще раз за нынешний вечер сказал себе, что пришел сюда не зря. Обычно он предпочитал кабаки попроще – и не потому, что там было все гораздо дешевле, а потому, что в них веселье шло полным ходом.

Настоящее веселье, не то что тут... Но утром Алма передала ему с посыльным крошечный золотой медальон, а сие означало непременно свидание; на словах же мальчишка просил Конана ждать ее перед полночью в «Слезях бедняжки Манхи» – таверна эта была наиболее удаленной от дома Алмы, а значит, и вероятность встречи со знакомыми значительно уменьшалась.

Алма происходила из знатного и богатого аграпурского рода Мисхинов. Единственная дочь, она росла в холе и неге, обожаемая родителями и слугами, и уже четвертый год от женихов ее не было отбоя – девушке едва исполнилось четырнадцать лет, как в дом зачастили мужи всех возрастов – от юнцов до седовласых старцев. Каждый предлагал высокородным Мисхинам оценить по достоинству его кандидатуру; к величайшему сожалению добрых родителей достоинство кандидатур состояло исключительно в золоте, в то время как они хотели бы видеть супругом дочери мужчину, а не сундук с деньгами – умница и красавица Алма без сомнения заслуживала того. Потому женихов приветливо и почтительно встречали, но затем так же приветливо и почтительно выпроваживали.

Но что сказали бы добрейшие родители, когда б узнали, что сердце дочери давно уже отдано? Оросили бы щеки их слезы радости? Снизошла бы в души их благодать? Вряд ли. Ибо, хотя они и желали ей счастья, но с благородным, честным и все-таки не слишком бедным аграпурцем. Алма же мечтала о Конане – нищем варваре из Киммерии, наемнике войска Илдиза Туранского, который к тому же был известен уже в Аграпуре как гуляка и забияка. Так что добрейшие родители, узнав о выборе дочери, скорее всего, стали бы рвать на себе волосы и рыдать слезами не радости, но ужаса и отчаяния; именно поэтому умница Алма и не спешила сообщать им о своих встречах с синеглазым киммерийцем.

...Конан выудил из кармана золотой медальон Алмы, бросил его в чашу с вином. Маленький желтый диск в мгновение опустился на дно и тускло заблестел там, пуская короткие косые лучи во все стороны. Очертания девичьей головки чуть сдвинулись, и киммерийцу показалось, что красotka кивает ему со дна чаши, то ли приглашая, то ли обещая что-то...

Хмыкнув, он сунул в вино палец и поболтал им; словно по крошечному озеру разбежались круги, поколебав изображение девушки – губки ее обиженно изогнулись, а брови дрогнули; в ответ и Конан нахмурил брови, потом запустил в чашу всю руку и достал медальон.

– Что ты делаешь, Конан? – с любопытством склонилась к нему Алма.

Она подошла неслышно, мягкими шагами, положила тонкую, необычно бледную для туранской девушки руку на его могучее плечо. Киммериец широко улыбнулся ей, из чего она незамедлительно заключила, что он уже порядком набрался: обыкновенно Конан лишь ухмылялся криво, и ухмылкой сей выражал всю гамму чувств – от гнева до удовлетворения или радости.

На миг Алма ощутила легкий укол недовольства, но сразу опомнилась. Конан не любил оправдываться, а она не любила всего того, чего не любил он, потому и улыбнулась ему ласково, присела на край высокого табурета.

– Так жаль, Конан...

– Чего еще жаль? – проворчал он, любуясь ее волнистыми, черными с медным отливом волосами.

– Я не могу быть с тобой столько, сколько хочу. Нынче ночью в доме высокие гости, я должна принимать их...

– Кром... А я-то думал, мы пойдем в «Маленькую плутовку»...

Он подхватил ее и усадил к себе на колени, боковым зрением отмечая взгляды, устремленные со всех сторон на его красавицу. Пожалуй, даже тут, в «Слезях бедняжки Манхи», таких не видали. Да и разве могли сравниться с нежной, хрупкой, будто воздушной Алмой здешние толстозадые, хотя и румяные девицы?

Конан удовлетворенно икнул, с вожделением вдыхая легкий аромат розы и чистоты, исходящий от девушки, затем смачно чмокнул ее в уголок рта и усадил обратно на табурет.

Алма незаметно вздохнула. Увы, любимый не отличался хорошими манерами, к коим так привыкла она в своем доме. Видели бы ее сейчас родители рядом с ним... Девушка попробовала взглянуть на Конана глазами отца и матери, ясно представила себе их вытянутые лица и не смогла сдержать улыбку.

Огромный варвар, присосавшийся к чаше с вином, с мутными синими глазами и сосульками черных длинных волос, одна из которых плавала в той же чаше, громко икающий на весь зал, непременно произвел бы на них впечатление. Вот только какое... Алма протянула руку и слегка коснулась его плеча.

– Конан...

– М-хм-м?

– Мне пора...

– Ухм-м-ху...

Даже не посмотрев ей вслед, Конан слизал с края чаши последние капли, снова икнул, потом аккуратно вытер губы полкой куртки, заляпанной еще с утра винными и жирными пятнами; зевнув, он уронил голову на стол и вскоре уже захрапел во всю мощь своей луженой глотки, заглушая печальные стоны цитры и беседы посетителей.

Глава вторая

Перед рассветом Кумбар наконец спустился вниз. И без того всегда красные щеки его горели, а предовольная масляная ухмылка не сходила с губ – он нутром чуял, что былая слава вот-вот вернется к нему, ибо слышал уже трепет ее крыльев где-то за спиной.

Подобно полководцу, выигравшему сражение, он величаво выплыл из комнаты с гордо вскинутой головой, но тут же сник, с сожалением оглядывая пустой зал: предполагаемые свидетели его триумфа давно разошлись, только Конан еще сидел за столом, но и он упустил случай лицезреть появление победителя, ибо сладко спал, завесив лицо волосами и похрапывая.

Горько вздохнув, сайгад разбудил почивавшего на табурете возле кухни слугу, велел ему немедленно принести кувшин пива и сел за стол рядом с киммерийцем. Звякнули пустые бутылки на столе, задетые неосторожной рукой Кумбара, и Конан тут же пробудился. Взирая на старого солдата с недоумением и неприязнью, варвар силился припомнить, где он видел уже этого свинообразного, хорошо одетого господина, который уселся за его стол и словно умалишенный быстро зашевелил губами. Муть, плававшая в глазах обоих, была разного свойства: у одного она происходила от вина, у другого от любви, но одинаково туманила мозг и порождала некую тяжесть в груди. Первым подал голос Кумбар.

– О-го-го, это было чудесно... – пробормотал он, качая головой.

Слуга, приволокший огромный кувшин пива, с любопытством уставился на сайгада. Ему не терпелось узнать о новых похождениях знаменитого на весь Аграпур Кумбара Простака, любимца самого Илдиза, а потому он поставил кувшин на стол и начал медленно, якобы с усилием открывать его, ожидая продолжения рассказа. И продолжение тут же последовало.

Привыкший не замечать прислугу сайгад закатил глаза, приложил к холмику на груди, за коим билось сердце, толстые руки и заголосил, надеясь, что варвара наконец проймет:

– Клянусь Эрликом и пророком его Таримом, это было воистину чудесно! О, грудь Кики! Я велю сложить оду о ней, и да восславится она в веках! О... Слушай, Конан, давай выпьем за нежную и гладкую кожу всех бывших девственниц! Право, они стоят того...

Радостно гикнув, слуга помчался за вином. Конан же ухватил кувшин с пивом за пузатые бока и начал жадно глотать прохладный ароматный напиток, чувствуя, как с каждым глотком к нему возвращается жизнь. Утолив первую жажду, варвар наконец более-менее осмысленно взглянул на сайгада.

– Прах и пепел... Ты, Кумбар?

– Ну да, – кивнул сайгад, нимало не удивленный. И с ним порой случались подобные казусы, когда он после бурной ночи любви и возлияний не сразу узнавал даже самого Илдиза.

– Третий день гуляю, – сумрачно заявил Конан, вновь поднимая кувшин с пивом.

– А я пятый, – пожаловался Кумбар. – И всюду девицы чудятся... То ли дело в казарме! Эх...

Он с отвращением посмотрел на свой расшитый золотыми и серебряными нитями камзол, принял у варвара уже почти пустой кувшин и вылил на себя остатки пива. Намокнув, нити сразу стали одного цвета – грязного, но зато Кумбар был вполне удовлетворен.

– В казарму бы... – мечтательно вздохнул он. – На рассвете гонг – блямс! блямс! бумм... Подпрыгнешь, а потом уж и глаза откроешь, начнешь одеваться... А парни толкаются, бранятся... Весело!

– Много болтаешь, сайгад. Ты, я понял, выполнил мое условие?

– Еще бы, – зарделся Кумбар. – И теперь ты pomoжешь мне выбрать из дюжины шестерых наидостойнейших?

– Помогу. Сколько у тебя девиц?

– Двенадцать. Малика, Карсана, Дана, Алма, Баксуд-Малана, тройняшки Ийна, Мина и Запаха, две Фаримы, Физа и Хализа, – скороговоркой выпалил сайгад, с надеждой глядя на угрюмое лицо варвара.

– Убери тройняшек, Физу и обеих Фарим, – небрежно бросил Конан, взял принесенную слугой бутыл с вином и присосался к ней.

– Ты их знаешь? Почему именно их?

– Тогда Малику, Карсану, Дану, Алму...

– А почему их?

– Тьфу! Прах и пепел... Убери любых, все равно кого. Главное, чтобы осталось – шесть. Их и покажешь Илдизу как самых красивых.

– О... О-о-о, мудрый... Мудрый и отважный, достойный взгляда Эрлика и пророка его Тарима... Да будут золотыми все следы твои, да не коснется тебя клинок врага, а только губы юной девы, да проведешь ты в неге и покое всю оставшуюся жизнь...

– Еще чего, – фыркнул варвар. Про себя он уже решил, что Кумбар все-таки рехнулся, а потому и тратить время на болтовню с ним больше не желал. – Как раз вечного покоя мне и не хватало!

Он встал, с презрением отворачиваясь от залитой слезами восторга жирной физиономии сайгада, и нетвердой походкой направился к выходу, предоставив Кумбару оплачивать стол.

– Как мне отблагодарить тебя, о варвар из варваров? – возопил тот, простирая руки к конановой спине.

– Очень просто. – Киммериец обернулся, с усмешкой посмотрел на старого солдата. – Пусть невесту Илдиза зовут не Алмой.

* * *

В великолепных покоях, отданных на время в распоряжение Кумбара Простака, под звуки лютни заезжего музыканта отдыхали двенадцать красавиц. Застывший у дверей как изваяние толстый, низкорослый и широкий словно тумба евнух Мингал-Арет-Каши-Бандурин мрачно взирал на столь прелестное общество, в душе проклиная нелегкую свою долю. С гораздо большим удовольствием он поохранял бы мальчиков-пажей, таких юных, таких нежных – во дворце их не менее полусотни, и все хороши как на подбор. А эти девицы... Бандурин считал величайшей ошибкой богов сотворение женщины – от нее и соблазн, от нее и разврат и вообще все беды на земле от нее, да заберет ее Нергал в свое мрачное царство...

Он почесал взмокнушую лысину, обрамленную игривыми завитками седых волос, и кинул заинтересованный взгляд на музыканта. Тот был весьма мил, свеж и румян; белокурые длинные волосы волнами лежали на узких плечах; тонкие стрельчатые брови цвета скорее рыжего, чем белого, сейчас сошлись у переносицы, а прекрасные синие глаза с тоскою смотрели в заоконную даль. Музыка, льющаяся из-под пальцев его, не задевала души Бандурина – ибо душа эта давно очерствела в дворцовых интригах и сплетнях, – зато сама изящная рука, ласкавшая струны, возбудила в евнухе прежние тайные желания.

С вождением оглядев гибкую невысокую фигуру музыканта, Бандурин твердо решил нынче же наведаться к нему, для чего ему всего лишь требовалось обойти конюшню и пересечь сад. Там-то, в караван-сараях для гостей Великого и Несравненного, и поселили приезжего, повелев в качестве платы за стол услаждать нежный слух императорских невест.

Он и услаждал сейчас: музыкой – нежный слух невест, видом своим – жадный взор Бандурина. Впрочем, играл он искусно, и в первый же день приезда сумел понравиться самому Илдизу, а это немало стоило. Но из девушек лютниста слушала только Алма, остальные шептались, причесывались, спали и просто смотрели в потолок.

– Тихо! – взвизгнул евнух неожиданно сильным, хотя и тонким голосом.

Разодравшиеся тройняшки мгновенно отпрянули друг от друга, с завидным проворством приняв невиннейший вид. Но Бандурина не могли обмануть опущенные долу глазки; он с отвращением отвернулся от них и занялся мыслями о мальчике-лютнисте – сие, по крайней мере, могло доставить удовольствие.

Внезапно двери распахнулись, и тут же чудесная музыка резко оборвалась. Щеря в улыбке редкие, но крепкие и белые зубы, в покои ступил сам Кумбар Простак. При виде его склонился в низком поклоне евнух, девушки встали, опустив головки, а музыкант, растерянно посмотрев на того и других, решил все же последовать примеру Бандурина и тоже согнулся, отчего длинные волосы его разметались по цветастому ковру.

– По местам, – благодушно скомандовал сайгад, усаживаясь в широкое кресло у самых дверей.

Он нашел глазами Алму и с любопытством уставился на нее. Что общего может быть у этой красавицы с неотесанным варваром? На миг Кумбар забыл, что и сам не был особенно отесанным, а вспомнив о том, мотнул головой, недовольный собственной несправедливостью. Что ни говори, а Конан действительно помог ему. Хотя до такого простого решения он мог бы додуматься и самостоятельно. Но ведь не додумался же!

Обретя нынешней ночью как бы вторую жизнь – за что тоже надо было благодарить Конана – Кумбар с присущей ему в прежние времена похотливостью разглядывал красоток. Он одинаково хотел и Малику, и Карсану, и Дану, и Баксуд-Малану... Вот Алму, пожалуй, он и в мыслях опасался хотеть, ибо, по его мнению, принадлежала она киммерийцу. Зато и тройняшек, и обеих Фарим, и Физу с Хализой с удесятеренной страстью завалил бы на свою широкую и мягкую тахту.

Глазки сайгада потеплели и почти растаяли от горячего желания, охватившего вдруг его чресла; он тихонько застонал и заерзал в кресле; воображение упрямо рисовало то пышные ягодицы Кики, то ее же огромную словно два бурдюка с пивом грудь... Кумбар захрипел, разрывая шелковый многослойный ворот, схватил услужливо поднесенную евнухом чашу со слабым и терпким вином, в мгновение осушил ее. Холодный напиток несколько остудил пыл старого солдата. Прищурившись, сайгад снова посмотрел на девушек, указал пальцем на Карсану и сипло произнес:

– Ты. Ступай домой, к родителям. Бандурин выдаст тебе подарки утром.

Затем участь изгнанниц постигла обеих Фарим, Малику и Дану. Оставалась Алма, которая с замиранием сердца ждала своей очереди. Ей совершенно не улыбалось стать одной из жен довольно противного с виду Илдиза, а то, что она ею станет, если Кумбар не отправит к родителям и ее, не было сомнений: владыка собирался взять в жены всех шестерых оставшихся после отбора красавиц, выделив, правда, среди них ту, что назовется потом «любимой». И тогда – тогда прощай, синеглазый киммериец, и крошечная уютная комнатка на втором этаже «Маленькой плутовки», и жаркие ночи любви мужчины, а не старца... Алма закусила губу, и только тем выдала волнение.

Сайгад заметил это, улыбнулся.

– И ты, Алма.

В отличие от отвергнутых Фарим, Малики, Карсаны и Даны, кои рыдали во весь голос, бия себя в нежную грудь, Алма ликовала вместе с остальными девушками, будущими невестами повелителя. Евнух и лютнист смотрели на нее с недоумением, Кумбар – с пониманием. В чем, в чем, а в мужественной стати он признавал первенство за Конаном, против которого невзрачный Илдиз казался огарком свечи против солнца. С умилением вытерев непрошеную слезу, сайгад жестом отослал прочь обеих Фарим с Карсаной, Даной и Маликой и подошел к Алме.

– Беги к нему, девочка, – шепнул он ей ласково. – И целуй его нынче крепче прежнего.

Злобно скрипнул зубами за их спинами Бандурин, но ни Алма, ни старый солдат ничего не слышали. Алма с признательностью улыбалась Кумбару, а тот уже торопился к выходу, желая поскорее вернуться в «Слезы бедняжки Манхи» и разбудить для утех пышнотелую Кику. Этой ночью она была так хороша!

* * *

Переваливаясь с боку на бок, евнух со скоростью бегового верблюда неся по саду от дерева к дереву, от куста к кусту, вжав голову в жирные плечи и воровато озираясь по сторонам. Сад Светлейшего был велик: за целый день не обойти всех его уголков, не истоптать всех его тропинок. Сам владыка, каждое утро прогуливаясь меж плодовых деревьев и кустарников, открывал что-то новое, неизведанное и не виданное еще прежде.

По россыпям отливающих алым и золотым цветом камешков важно прохаживались красавцы-павлины, клекоча дурными голосами и с презрением взирая на людей; даже императора сии птицы не жаловали, что уж говорить о несчастном садовнике, вынужденном не только не убивать их, но еще и кормить. Несметное количество яблок, апельсинов, фиников, бананов и прочих фруктов усеяло зеленые ветви деревьев, а под ногами можно было найти всевозможных сортов ягоды и грибы, столь буйно растущие в северных королевствах, а здесь, в Туране, выращиваемые специально для стола Великого и Несравненного.

Бандурин шмякнулся в розовые кусты возле самого караван-сарая и тут же сдавленно пискнул от боли – шипы вонзились во все его жиры, заставив богобоязненного евнуха излить поток проклятий на голову ни в чем не повинного Эрлика. Именно он, этот суровый туранский бог, через пророка своего Тарима испытывает человека лишениями и страданиями.

Но – как рассуждал Бандурин – Эрлик все же должен понимать, что не все люди расположены страдать. Лично он, создание нежное и духом и плотью, намерен жить благостно и покойно, а за подвиг сей лелеять и холить себя, любимого, того же ожидая и от бога с его пророком. И хотя в кусты он свалился по собственному недогляду, досталось все же бедному Эрлику, коего евнух назвал грязным недоумком, ублюдком и даже бородатой свиньей.

Выдираясь из объятий коварных роз, Бандурин тихонько подвывал, горячо надеясь, что стража не заметит его тушу возле караван-сарая, куда дворцовым обитателям вход был строго-настрого запрещен: мало ли какие тайны приспичит разузнать заезжим, а на патриотизм своих сановников и малоумный Илдиз не слишком рассчитывал. Нарушившего же запрет ожидало страшное наказание в виде ямы, полной змей и пауков.

Однажды Бандурин осмелился подойти к ней и посмотреть на несчастного, невесть за какие прегрешения туда угодившего. Много ночей после снились ему столпаые и стохвостые чудовища, впивающие в его плоть свои ядовитые жала и зубы. И тогда евнух дал себе клятву никогда не преступать закон, быть послушным богам (на всякий случай – всем богам, что только существуют на этом свете) и время от времени подавать кое-какую мелочь нищим.

Так что сейчас, вытягивая короткую мясистую шею и сам себе напоминая тем самым аиста – а Бандурин всегда заблуждался по поводу собственной внешности, и в данный момент был похож скорее на вытянувшего шею бегемота, – бедный евнух дрожал от страха и молился только что оскорбленному им Эрлику, выпрашивая лунное затмение или, на худой конец, дождь, способный прогнать стражу в их уютные теплые домики.

То ли Эрлик внял просьбам Бандурина, то ли Тарим уговорил его помочь влюбленному скопцу, но стражников поблизости не оказалось, и евнух, жалобно пища от ужаса, на четвереньках обполз шеренгу розовых кустов и вскоре проник в караван-сарай.

Судя по обстановке внутри дома, Илдиз Туранский не слишком благоволил гостям своим. Обшарпанные стены, Двери, грустно висящие на одной петле, а то и вовсе отсутствующие, грязный пол, весь в дырах и трещинах, застоявшаяся вонь неизвестного происхождения –

если учесть, что караван-сарай возвели всего-то пять лет тому назад, разрушения эти не поддавались объяснению. Бандурин же, впервые попавший сюда, со свойственной ему проникаемостью сразу решил, что, видимо, по мысли архитектора сего сооружения гости не должны были задерживаться здесь надолго; а если б кому и пришла в голову такая странная идея – остаться еще на пару деньков, – суровые стражи, каждое утро возникающие в проемах дверей немим укором, и самого стойкого заставили бы поторопиться.

Крадучись, евнух прошел до конца длинного коридора, всякий миг опасаясь низвержения утробно трещащего по толка, и наконец страшное путешествие его завершилось: он стоял возле комнаты юного лютниста, коего отлично видел сквозь дыру шириною в два пальца меж наличником и дверью. Мальчишка полулежал на узком топчане, подперев го лову тонкой рукой, и улыбался, слушая чей-то шепот.

Кто мог быть здесь в такое время, когда тьма уже сгустилась над Аграпуром? Вор? Но красть у нищих гостей императора, кои в большинстве своем были жалкими комедиантами да бродячими лекарями и астрологами, стал бы только слепой, так что сию догадку евнух отверг. Стражник? Или... Или такой же, как он сам, любитель юношей прекрасных?.. От этой мысли скопца передернуло. Неужели его опередили?

В отчаянной попытке подслушать разговор Бандурин облился потом, но так и не разобрал ни слова. Лютнист, то и дело откидывая с высокого чистого лба белокурые пряди, с улыбкой отвечал собеседнику – и тоже шепотом; скопец, превратившийся в одно большое ухо, по прошествии некоторого времени все же начал разбирать отдельные слова, а то и целые фразы.

Так, например, услышал он имя юноши – Динис, и умилился славному его звучанию; что значило «бежать отсюда подальше», евнух не понял, зато отлично понял прощальное «я тоже люблю тебя», побледнел, сжал пухлые кулачки и едва сдержался, чтоб не ворваться в комнату и не прервать возгласом крайнего возмущения объятая влюбленных, если, конечно, таковые имели место.

Дверь скрипнула, выпуская позднюю гостью. Не заметив Бандурина, который стоял в углу коридора, девушка быстро пробежала к выходу и вскоре скрылась в темноте. Лица, ее евнух не смог разглядеть, но, мельком увидев профиль, узнал соперницу: то была Алма, столь неблагоразумно отпущенная Кумбаром Простаком из императорских невест. Не лютниста ли имел в виду старый солдат, наказывая девушке «целовать его крепче»? Бандурин сморщился от ревности, сдавившей холмистую грудь его, и, стараясь не слишком заметно колыхать жирами, вошел в освещенную одною свечой комнату юноши.

* * *

– Хр-р-р... Мр-р-р... Ур-р... О, красивый и отважный орленок, парящий в небесах над Аграпуром! Весь день помышляю узреть твои глаза, твои руки и гибкий стан... – бормотал Бандурин, переминаясь с ноги на ногу. – Не прогоняй же раба твоего ни нынешней ночью, ни будущей! Готов принести тебе в дар я все богатства, накопленные долгим и тяжким трудом, готов лобызать стройные ноги твои, только позволь прилечь на скромное ложе сие и раз делить с тобою одиночество и печаль...

Динис с удивлением смотрел на жирную тушу скопца, плохо понимая, что тому нужно. Зачем он хочет лечь на его топчан? Устал? А может, ему негде жить? Но почему он пришел именно к нему?

– Я алкал... – сирым писклом продолжал тем временем Бандурин. – Алкал встречи с тобою, мой юный друг. О, нежный и душистый лепесток большой красивой розы... Роза, – счел нужным пояснить евнух, – это мое сердце, ибо... ур-р-р... Ибо я алкал...

Красноречие скопца иссякло, и теперь он стоял перед юным лютнистом молча, тараща на него маленькие черные бусинки глаз.

Так и не сообразив, что нужно от него этому жирному старцу, Динис устало вздохнул. Природное спокойствие и уважение к преклонным годам не позволяли ему изгнать незваного гостя, но после целого дня во дворце, где он без отдыха играл на лютне праздным придворным и будущим императорским невестам, сил осталось только на то, чтобы положить голову на свернутую в жгут куртку и уснуть. Евнух же, судя по всему, уходить не собирался: пыхтя и потея, он выжидательно смотрел на юношу, и каждый вздох – глубокий и невозможно печальный – сопровождал чесанием за ухом.

Динис с отвращением взглянул на его руки, белые, пухлые и холеные, как у женщины, но при этом волосатые; да и весь облик прищельца заставлял его алкать немедленного ухода скопца, так же, как тот алкал встречи с ним.

Вздохнув в унисон с Бандурином, лютнист вежливо улыбнулся и промолвил нежным звонким голоском:

– Не гневайся, любезный... Я очень устал. И... уйди, прошу тебя.

Пораженный в самое сердце, евнух качнулся от горя, умоляюще взглянул в синие глаза.

– Уйди, – твердо повторил Динис. – Эрлик не велит шастать по ночам оскопленным.

– Ка-а-ак? – выдохнул изумленный Бандурин. – Ты уверен?

– Мне было видение, – кивнул ободрившийся юноша. – Тарим явился ко мне в сон прошлой ночью. Ведай, говорит, мальчик: да не выйдут в ночное время из дому скопец и пьяница, ребенок и музыкант...

– А музыканту почему нельзя? – разочарованно осведомился евнух, только что намеревавшийся пригласить лютниста к себе, если уж Эрлик так против его ночных прогулок.

– Сам удивляюсь, – пожал плечами Динис, зевнул и, более не желая продолжать беседу, свернулся клубочком на своем топчане. – Ну, ступай. Ступай же, любезный...

Сонный голос его действовал на скопца завораживающе, но делать было нечего. Вторично обозвав про себя Эрлика бородатой свиньей, чинящей препятствия покорным рабам своим даже в любви, Бандурин последний раз взглянул на юного красавца, наполнил следующий вздох печалью и удалился.

Динис к тому времени уже спал.

* * *

Илдиза Великолепного с самого утра мучила одышка. Он и проснулся на рассвете в своих роскошных покоях не от первых, мягких и теплых, лучей восходящего солнца (кои, впрочем, и не проникали сквозь темные бархатные занавеси, задернутые по распоряжению заезжего лекаря), а от недостатка воздуха. Настой минь-синя, привезенный из Кхитая придворным астрологом, лишь чуть облегчал страдания Великого и Несравненного.

Сипя и хрипя подобно простуженному ишаку, владыка взобрался на трон, бережно поддерживаемый цирюльником Гухулом и сайгадом, и велел позвать наконец невест для личного досмотра. С радостью исполнил Кумбар желание правителя. В тот самый миг, когда варвар преподнес ему идею сортировки девиц, старый солдат словно заново родился. Теперь, казалось ему, благоволение Илдиза вновь озарит его жизнь; вновь Светлейший подарит его шуткой, а то и похвалой; челядь перестанет шептаться за его спиной, пророка всякие гадости, а Гухул, собака, отправится в свою цирюльню стричь да брить – то есть делать то, для чего и был рожден на этот свет.

Под предводительством евнуха стройной цепочкой под плыли к правому плечу сайгада красавицы-невесты, послушно построились в ряд. Даже их, с детства привыкших к роскоши, поразила обстановка тронного зала. Стреляя глазками по сторонам, они предвкушали счастливое времяпрепровождение в этих прекрасных стенах, увешанных дорогими коврами пастельных тонов, золотым и серебряным оружием, коллекцией колокольцев разных стран.

Пол, искусно выложенный мозаикой, представлял собою целый рассказ о династии императоров Турана; Физа, ногами угодившая прямо на уродливое лицо прадедушки Илдиза, в ужасе тарасилась на Кумбара, боясь сдвинуться с места – сайгад посмотрел вниз, пожал плечами и толчком передвинул красавицу поближе к ее товарке.

Увы, теперь уже Физа стояла на лунообразной физиономии злодейки Хаираны – бабки Илдиза, и двигаться дальше было некуда. Но владыка, по всей видимости, привык к тому, что всяк в этот зал попавший топтал его родственников почем зря, а потому на страдания Физы внимания не обращал.

Все девушки очень понравились сладострастному императору. Он бросил на Кумбара благосклонный взгляд и негромко хлопнул в ладоши, возвещая начало экзамена.

– Физа, Хализа, Баксуд-Малана! – провозгласил сайгад трубным голосом.

Красавицы сделали шаг вперед и так низко склонились перед повелителем, что он со своего возвышения без труда рассмотрел их пышные зады, прикрытые полупрозрачным шелком. Зады ему понравились не меньше свежих личиков и высоких груди; с томлением под желудком обозревая сии округлости, Илдиз промедлил, и когда опомнился наконец и повелел им разогнуться, оказалось, что вся троица покраснела словно арбузная мякоть.

Ехидные тройняшки не удержались от хихиканья, за что тут же получили предупреждение от Кумбара в виде щипков за те места, кои так оценил владыка у их подруг.

Ничего не заметивший повелитель, тяжело дыша то ли от болезни, то ли от возбуждения, ласково кивнул Физе, Хализе и Баксуд-Малане, призывая их продолжить представление.

Долго услаждали взор и слух Светлейшего новоиспеченные невесты. Разомлев от удовольствия, он прихлопывал в ладоши, притоптывал, и даже удостоил присутствующих пением, вторя чудесному голосу Баксуд-Маланы. С умилением придворные прослушали от начала и до конца заунывную туранскую балладу в исполнении владыки и его невесты; никого не смутил слабый и отрывистый, как у старого павлина, голос Илдиза – потом все уверяли, что пел он прекрасно, и жаль только, что плохо воспитанная Баксуд-Малана заглушала его, но, конечно, безо всякого дурного умысла: она лишь хотела очаровать Великого и Несравненного.

К полудню первая тройка закончила испытание, и с успехом. Полумертвая от счастья Баксуд-Малана едва сумела выйти из зала самостоятельно; товарки ее казались удовлетворенными, но и только. Сестрички же – Ийна, Мина и Залаха – уверяли Кумбара, что у них все получится гораздо лучше. В доказательство они кинулись ему на шею, чуть не своротив огромную вазу у подножия лестницы, и горячо расцеловали, так что в результате довольными остались все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.